

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2019, №6, Том 7 / 2019, No 6, Vol 7 <https://mir-nauki.com/issue-6-2019.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/87PSMN619.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Сформированность и динамика отношения к взяточничеству как форме низовой коррупции у городской учащейся и работающей молодежи // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/87PSMN619.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Dzhaneryan S.T., Gvozdeva D.I. (2019). The formation and dynamics of attitude to bribery as a form of grassroots corruption among urban studying and working youth. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 6(7). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/87PSMN619.pdf> (in Russian)

УДК 159.9

ГРНТИ 15.21.51

Джанерьян Светлана Тиграновна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Профессор кафедры «Психологии личности и консультативной психологии»
Доктор психологических наук, профессор
E-mail: swetdjan@sfedu.ru

Гвоздева Дарья Ивановна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Зав. кафедрой «Психологии личности и консультативной психологии»
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: gvozdeva@sfedu.ru

**Сформированность и динамика отношения
к взяточничеству как форме низовой коррупции
у городской учащейся и работающей молодежи**

Аннотация. В данной статье излагаются результаты исследования, целью которого выступило установление сформированности ценностно-смыслового отношения к взяточничеству как форме низовой коррупции у школьников (126 человек), студентов вузов (120 человек) и работающих молодых людей (102 человека). Методы исследования: метод поперечных срезов, метод опроса (анкета для оценки содержания каждого из компонентов отношения к взяточничеству), метод контент-анализа открытых вопросов анкеты; метод тестирования; методы статистической обработки данных. Изучаемое в исследовании отношение рассмотрено как разновидность ценностно-смыслового целесредственного отношения, в котором взяточничество презентуется в сознании субъекта как занимающее место средства (цели, ценности) в реализации им тех или иных потребностей. Анализируется содержательно сходные типы отношения к взяточничеству у школьников, студентов и работающих молодых людей. Раскрыто содержание когнитивного, конативного, эмоционально-оценочного компонентов типов отношения к взяточничеству. На базе концепции В.Н. Мясищева предложены критерии сформированности отношения, включающие различную степень его осознанности и структурированности. Доказаны у школьников умеренная сформированность их отношения к взяточничеству как противоправному средству удовлетворения потребностей, а у студентов и работающих сформированность отношения к взяточничеству как инструментальной ценности. Раскрыта динамика отношения к взяточничеству, которая заключается в росте его осознанности и сформированности: от

умеренно сформированного отношения к взяточничеству как противоправному средству удовлетворения различных потребностей, характерного для школьников, до сформированного отношения к взяточничеству как инструментальной ценности, характерного для студентов и работающих молодых людей.

Ключевые слова: ценностно-смысловое отношение к взяточничеству; низовая коррупция; сформированность отношения; динамика отношения; школьники; студенты вузов; работающие молодые люди

Введение

В последнее десятилетие к решению проблемы коррупции активно привлекаются психологические знания, что выражается, в частности, в описании данного явления с помощью понятийного аппарата психологии отношений [1–5]. Анализируется строение, содержание и методические процедуры фиксации компонентов отношения населения к коррупции [6–8], интенсивно изучается этическое отношение к получению взятки [3; 9]; ситуативные факторы [10] и оправданность [3] взяточничества.

Анализ работ, посвященных изучению отношения к коррупции, позволил сделать ряд выводов. Имеет место тенденция использования «отношения» как обобщения результатов социологических опросов [3–5] или презентуемых респондентами (как правило, студентами вузов, не имеющими доказанного личного коррупционного опыта) психологических портретов коррупционеров [11]. Обобщенно методическая схема исследований включает предъявление экспериментатором кейсов (описание реальных «коррупционных» ситуаций в бизнесе, банковском деле, образовании, политике и т. п.) и балльную оценку респондентами этих кейсов по коррумпированности, «продажности» [6]. Анализ причин ответов на закрытые вопросы анкет практически не осуществляется. Позитивно оценивая подобную практику, исследователи подчеркивают необходимость наращивания методической базы, акцентируют внимание на фактических, индивидуальных случаях коррупции, включая контекстуальные факторы, непредвиденные ситуативные обстоятельства, различные сферы поведения и деятельности людей, призывают использовать проективные методы и контент-анализ для установления непосредственных априорно не заданных респондентских оценок и мнений о коррупции [3; 4; 8].

Несмотря на приверженность исследований к описанию строения отношения через его когнитивный (оценки респондентов предъявляемых экспериментатором специальных кейсов и сценариев), эмоциональный (оценки респондентов выраженности коррупции в предъявленных кейсах и сценариях), поведенческий (оценки респондентов коррупционных сценариев и самооценки готовности их осуществления) компоненты [6; 7], намечается нацеленность на преимущественную изученность когнитивного компонента анализируемого отношения.

Содержательно отношение к взяточничеству характеризуют как инструментальное [1], неоднозначное по эмоциональной модальности [12], поведенчески приемлемое «для себя» и неприемлемое «для других» [2; 13], не всегда осознанное людьми и, зачастую, вынужденное [14–16].

В ряде зарубежных [3; 4; 9; 17] и отечественных [1] исследований отношение населения к коррупции типологизируется по критерию «толерантность (лояльное, привычное, вынужденно приемлемое, утилитарное, не заслуживает серьезного осуждения) – интолерантность» (негативное, неприемлемое). Оправданность такого деления связывается с рядом фактов: стимуляцией коррупцией экономического роста в странах с высоким уровнем коррупции [19; 20]; наличием видов (вершинной и низовой) и ситуаций (ситуации в политике; чрезмерно обременительные правила; бессильный антигерой, нарушающий закон, чтобы

выжить и т. д.) коррупционного поведения [3; 10; 21], опосредованностью отношения к взяточничеству демографическими [4], этнокультурными [4; 5], социально-экономическими [9], религиозными [3] и т. п. факторами. Это приводит исследователей к выводу о необходимости прицельного исследования отношения к коррупции на материале представителей конкретного региона [5; 22]. Обращается внимание на различия в отношении людей к вершинной и низовой («коррупционные действия, совершаемые, как правило, должностными лицами, находящимися на низшем и среднем уровне служебной лестницы» [23, с. 242]) коррупции. Если первая гневно порицается населением, то вторая ежедневно, повсеместно воспроизводится, расцениваясь ее участниками как взаимовыгодная, как ответная реакция на коррупцию «верхов» [13], обнаруживает тенденцию к росту и диверсификации [24–26].

В ряде исследований констатируется наряду с противоречивостью (рассогласование между респондентской оценкой взяточничества и реальным фактом его приемлемости) отношения к взяточничеству его сформированность и устойчивость на момент диагностики [9; 21]. Подчеркивается перспективность мониторинга динамики этого отношения с течением времени [9; 21].

На наш взгляд, верифицированное решение вопроса о сформированности отношения имеет принципиальное значение для прогноза эффективности антикоррупционных мероприятий. Осознанное и хорошо структурированное отношение, являющееся устойчивым, трудно изменить, например, в социально желательную сторону, под влиянием антикоррупционной пропаганды.

Мы не встретили в литературе анализа осознанности или структурированности изучаемого отношения, результаты которого могли бы свидетельствовать в пользу степени его сформированности. Нет эмпирически подкрепленного ответа на вопрос о векторе динамики отношения к взяточничеству в ходе последовательного включения субъектов в реальные жизненные отношения: от получения школьного образования до вузовского образования и профессиональной деятельности. Предлагаемые же в научной литературе программы антикоррупционного воспитания молодежи распространяются на разные образовательные этапы, от начальной школы и до вузовского обучения [27–29]. Вместе с тем молодые люди, возраст которых отнесен к интервалу от 14 до 30 лет¹, а в некоторых случаях до 35 лет [31], активно включаются в реальные жизненные отношения и могут сами стать носителями деструктивного потенциала коррупции и субъектами ее воспроизводства, на что неоднократно обращалось внимание в целом ряде исследований [1; 32]. Поэтому в контексте антикоррупционной политики и воспитания постоянный мониторинг специфики типов отношения к взяточничеству у молодых людей представляет решение самостоятельной социально значимой задачи.

Полагаем, что использование потенциала категории «отношение», в частности, психологического отношения, представляет самостоятельный вектор направления психологических исследований феномена взяточничества. Психологические отношения, будучи целостной системой индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, вытекают из всей истории развития человека, выражают его личный опыт и конституируют его действия и переживания [33]. Опираясь на эти положения, на выводы исследователей об осмысленности различными субъектами взяточничества как некоего универсального инструмента для удовлетворения потребностей людей [1; 2; 14], мы развиваем представления о ценностно-смысловом отношении личности к

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р г. Москва [Электронный ресурс]. (дата обращения 07.06.2017).

взяточничеству. Оно рассмотрено нами как разновидность ценностно-смыслового или целесредственного психологического отношения, в котором взяточничество (взятка) презентуется в сознании субъекта как занимающее место ценности, цели или средства в реализации им тех или иных потребностей и ценностей. Его содержание раскрывается в единстве содержаний каждого из его компонентов – когнитивного (определение и функции взятки), конативного (причины дачи и получения взятки), эмоционально-оценочного (переживания по поводу взяточничества и оценки его влияния на государство, социальные группы, субъекта; превенции). На наш взгляд, рассмотрение отношения к взяточничеству как ценностно-смыслового отношения личности, позволяет раскрыть значение для личности объектной стороны анализируемого отношения, рассмотреть его сформированность, базирующуюся на его осознанности и структурированности.

Цель исследования заключалась в установлении сформированности ценностно-смыслового отношения к взяточничеству и его динамики у городской учащейся и работающей молодежи. *Предмет исследования:* ценностно-смысловое отношение к взяточничеству у учащейся и работающей молодежи.

Объект исследования: психологическое отношение к взяточничеству у 126 учащихся 10–11-х классов, 120 студентов вузов (19–22 года) и 102 работающих молодых людей (22–34 лет) г. Ростова-на-Дону, г. Таганрога.

Методы и методический инструментарий

Для изучения отношения к взяточничеству применялись следующие методы: опрос (анкета, нацеленная на изучение содержания компонентов отношения к взяточничеству); контент-анализ открытых вопросов анкеты; тестирование (Шкала дифференциальных эмоций (К. Изард), статистические методы обработки данных.

Первичная обработка данных включала проведение контент-анализа открытых вопросов анкеты. По результатам контент-анализа открытых вопросов анкеты, направленной на установление содержания компонентов отношения к взяточничеству, осуществлялись пилотажная кодировка ответов респондентов, экспертная оценка адекватности выбора индикаторов категорий, установление меры согласованности этих оценок, расчет относительной частоты встречаемости категории, каждая из которых отражала содержание когнитивного, эмоционально-оценочного и конативного компонентов отношения к взяточничеству [15; 16].

Содержательно-смысловые трактовки респондентами взяточничества: деловая экономическая сделка («сделка между человеком, корпорацией и условиями другой стороны», «плата за бесплатные услуги»); противоправное деяние («преступление», «махинация»); универсальное средство (необходимое и желаемое) удовлетворения индивидуальных потребностей субъектов («простой выход из ситуации», «способ удовлетворения своих прихотей»); аморальное поведение («несправедливое дело»).

Функции взятки: элиминация как устранение возможности административной и уголовной ответственности («не сесть в тюрьму», «откуп от содеянного»); ресурсная функция как обеспечение экономии времени и личностных ресурсов («чтобы получить что-либо быстрее, вне очереди»; «экономит силы»); тотально-инструментальная функция взятки в решении повседневных (исключая сферы карьеры и правовых отношений) проблем («средство удовлетворения любой потребности»); карьерно-инструментальная функция взятки в решении карьерных вопросов («для получения повышения», «взятка может помочь сдать сессию»); деструктивная функция («разрушает жизнь людей», «подавляет предприимчивость»); монетарная функция («обогащает», «дополнительный доход»).

В качестве факторов дачи взятки были выделены следующие: вынужденность взятки как результат социального давления («потому что вымогают». «это может быть вынужденной мерой»); противоправные действия («обойти закон», «чтобы разрешили нарушение»); профессионально-карьерные факторы («перестраховаться в карьере», «купить диплом»); личностные особенности субъектов («тупость», «лень», «нет внутренних принципов»); ситуативные стратегии, направленные на организацию времени и экономию личностных ресурсов («желание ускорить процесс», «боязнь остаться не при делах»); межличностные отношения («подмазаться», «наладить контакты»).

В качестве факторов получения взятки рассматривались следующие: ответ на противоправные действия взяткодателя («спасение от компромата», «спасение от налоговой полиции»); профессионально-карьерные факторы («маскировка, чтобы не делать свою работу вообще»); личностные особенности субъектов («алчность», «самолюбие», «наглый преподаватель»); материальное обогащение («желание срубить легкие деньги», «получить хорошее вознаграждение»); демонстрация власти («показать свою значимость», «вредность, сидящих на постах»).

Общие, особенные и единичные последствия взятки рассматривались как эффекты ее влияния на государство, социальные группы, конкретного человека. Последствия для государства сказываются, по мнению респондентов, на экономике («нестабильность экономики», «нанесение ущерба экономике»), деятельности власти («снижение эффективности госаппарата», «несоответствие предвыборных обещаний и практических действий депутатов», «лоббирование законов»), идеологии («ухудшается идеология», «двойной стандарт поведения»), гражданском обществе («могут нарушаться права граждан», «разлагается общество»).

Для социальных групп последствия взяточничества рассматривались как снижение профессионализма («умный человек из-за взяточника не может занять должность», «измельчание специалистов»), деструкция межличностных (социальных) отношений («может происходить раздор», «острое разделение на социальные группы»).

В качестве последствий взяточничества для конкретного человека респонденты отмечали формирование социально нежелательных личностных черт («неспособность опираться на собственные знания», «потеря нравственных ориентиров»); формирование специфического правосознания («осознание того, что нарушаешь закон», «беззащитность перед преступностью»); снижение материального благополучия («лишение денег», «изменение образа жизни из-за финансовых проблем»); позитивные для человека результаты («возможность достигнуть определенного успеха в какой-то сфере», «возможность поступления в ВУЗ»).

Позитивные последствия взяточничества для государства и для групп указывались единично, в то время как позитивные последствия взяточничества для конкретного человека были представлены в достаточно полном объеме.

В особую группу вошли полярные («негативные», «позитивные») оценки последствий взяточничества, с помощью которых респондентами, главным образом, школьниками, характеризовались эффекты ее влияния на государство, социальные группы и личность; а также высказывания «не знаю», «затрудняюсь ответить». По результатам анализа (критерии Фридмана, Вилкоксона) фундаментальных эмоций, испытываемых в адрес взяточничества, отвращение входило в число приоритетных по абсолютной выраженности переживаний в каждом из типов отношения независимо от статуса их субъектов. Далее выраженность этого переживания оказалось актуальной в контексте изучения структуры отношения.

К мерам превентивного характера респонденты отнесли ужесточение уголовного наказания («ловить взятокдателей как покемонов», «отмена моратория на смертную казнь»), административный контроль («проверка на полиграфе», «поставить видеокамеры»), увеличение заработной платы («адекватные реальности заработные платы»), политические преобразования («сделать систему честной», «государство – мать, народ – ребёнок. Ребенок научается, наблюдая за поведением мамы»), антикоррупционное воспитание («воспитание ценностей труда», «прививание с раннего возраста юридической грамотности населения»). Была выделена и единично упоминаемая респондентами личностная позиция субъекта («не давать и не брать взятки», «начать с себя»).

Теоретическими основаниями для установления эмпирических критериев сформированности отношения к взяточничеству выступили положения В.Н. Мясищева [33] о пути формирования любого отношения (как переходов от ситуативного, меняющегося под влиянием эмоциональных состояний предотношения через отношение, определяемое требованиями объективной необходимости, вплоть до устойчивого отношения в виде принципов, убеждений, предпочтений, идеалов), и о разном, порой противоречивом, взаимодействии компонентов отношения, которые могут его усиливать, преобразовать, разрушить, реорганизовать. На наш взгляд, для сформированного, развитого отношения характерным является, во-первых, осознание субъектом не отдельных, а различных проявлений взяточничества, что отражается в содержании каждого из компонентов отношения, а во-вторых, наличие сложившейся структуры компонентов, что отражается в подкреплении, поддержке отношения в целом посредством ведущего содержания каждого из его компонентов.

В качестве эмпирических критериев сформированности, развитости отношения рассматривались полнота осознания респондентом феноменов взяточничества, отнесенных к содержанию каждого из компонентов, а также структурированность отношения. Полнота осознания эмпирически определялась как число и модальность доминирующих категорий, отражающих феномены взяточничества, отнесенные к содержанию соответствующего компонента. Доминирование категорий, отражающих неосведомленность респондентов («не знаю») и их общие полярные эмоциональные оценки («негативное», «позитивное») в адрес того или иного проявления взяточничества, расценивалось как подтверждение неосознанности отдельных сторон анализируемого явления. В итоге, к полностью осознанному мы отнесли то отношение, в каждом из компонентов которого доминирует содержание (относительная частота встречаемости той или иной категории), отображающее в представлении респондента тот или иной феномен взяточничества; к умеренно осознанному – отношение, в одном из компонентов которого наряду с содержанием, отражающим тот или иной феномен взяточничества, доминируют также эмоциональные оценки и/или оценки «не знаю»; к низкоосознанному отношению – в одном из компонентов которого доминируют только полярные эмоциональные оценки и/или оценки «не знаю».

При анализе структурированности отношения мы исходили из главной роли его когнитивного компонента, по доминирующему содержанию (категория трактовки взяточничества) которого устанавливался и обозначался тип отношения к взяточничеству. Выраженность именно этого компонента, а значит, и выраженность соответствующего типа отношения усиливается (в случае положительных или координационных связей) [34] или ослабляется (в случае негативных или субординационных связей или отсутствия последних) под влиянием доминирующего содержания иных компонентов. Для определения структуры типа отношения использовалась множественная линейная регрессия, результаты которой выражали меру и знак влияния на выраженность типа отношения (независимая переменная – трактовка взятки) доминирующего содержания как конативного, так и эмоционально-оценочного компонентов. В случае установления одновременно положительного или отрицательного влияния на выраженность типа отношения ведущего содержания конативного

и эмоционально-оценочного компонентов отношение обозначалось как структурированное. В случае установления положительного или отрицательного влияния на выраженность типа отношения ведущего содержания одного из компонентов отношение обозначалось как частично структурированное. В иных случаях отношение обозначалось как неструктурированное.

Развитое, сформированное отношение к взяточничеству расценивалось нами как полностью осознанное и структурированное. К признакам умеренно сформированного мы отнесли умеренно или низкоосознанное и полностью или частично структурированное отношение; к слабосформированному отношению (по терминологии Мясищева [33] – ситуативно мобильное, отличающееся только явной избирательностью «предотношение»), мы отнесли низкоосознанное и частично структурированное или неструктурированное отношение [15; 16].

Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью факторного и множественного линейного регрессионного анализов, описательной статистики, процедур квантирования, биномиального критерия, методов непараметрической статистики: критериев Фридмана (двухфакторная схема и множественные попарные сравнения) и Вилкоксона, рангового коэффициента корреляции Спирмена. Факторный и регрессионный анализ, а также проверка предположений о нормальности распределений выполнялись в модулях Factor Analysis, Multiple Regression, Descriptive Statistics (Shapiro-Wilks' W-test, критерий нормальности Колмогорова-Смирнова для генеральных совокупностей со скорректированными для выборочных наблюдений вероятностями Lilliefors) программы Tibco statistica 13.3.

Результаты и обсуждение

По итогам факторного анализа показателей, обозначающих дефиниции взяточничества, для выборки школьников было получено 3-х факторное решение (таблица 1), а для выборки студентов – 2-х факторное решение, объясняющие, соответственно, 99,2 и 99,99 % дисперсии (таблица 2).

Таблица 1

Содержание и значения факторных весов трактовок взяточничества школьниками

Трактовки взятки	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Аморальное поведение	-0,2225	-0,11669	0,96791
Противоправное деяние	0,97895	0,19056	-0,07304
Деловая экономическая сделка	-0,7147	0,64431	-0,27226
Универсальное средство удовлетворения потребностей	-0,2752	-0,90094	-0,33552

Составлено/разработано автором

Таблица 2

Содержание и значения факторных весов трактовок взятки студентами и работающими респондентами

Трактовки взяточничества	Фактор 1	Фактор 2
Деловая экономическая сделка	0,96724	-0,25385
Противоправное деяние	-0,90146	-0,43285
Универсальное средство удовлетворения потребностей	-0,14624	0,98925

Составлено/разработано автором

На основе расчета для каждого респондента его доминирующей индивидуальной факторной оценки, анализа ведущих дефиниций взяточничества, получивших в каждом из факторов высокие веса ($> 0,6$), устанавливались и первоначально обозначались типы

отношений к низовой коррупции в форме взяточничества у респондентов [15; 16]. Показательно, что выявленная нами тотально-инструментальная функция взяточничества как доминирующая в представлении респондентов подтверждает результаты ранее проведенных исследований, в которых психологические причины взяточничества раскрываются, прежде всего, через его универсальную посредническую функцию в удовлетворении потребностей людей [1; 2; 14]. Вместе с тем, мы конкретизируем эту инструментальную функцию взяточничества, обращая внимание на удовлетворяемые с ее помощью только потребности биологического или социального индивида.

В итоге анализировались следующие типы отношения – Противоправное средство решения различных потребностей субъекта (46,3 % школьников); Деловая экономическая сделка (33,1 % школьников, 36,7 % студентов и 32,5 % работающих респондентов); Аморальное средство (20,6 % школьников); Инструментальная ценность (63,3 % студентов и 67,5 %, работающих респондентов).

Принимая во внимание процентное соотношение респондентов, демонстрирующих анализируемые типы отношения, мы сосредоточились здесь на анализе отношения к взяточничеству как противоправному средству и как инструментальной ценности. В типах отношения к взяточничеству как противоправному средству взяточничество осмыслено школьниками как противоправное по характеру, но универсальное средство для удовлетворения потребностей человека. В типе отношения к взяточничеству как инструментальной ценности взяточничество осмыслено студентами и работающими респондентами именно как средство удовлетворения потребностей субъекта, что подкреплено и трактовкой его функционального назначения.

С опорой на метод поперечных срезов можно обсуждать общие и специфические особенности и динамику отношения к взяточничеству в интервале «школа-вуз-профессиональная деятельность». К общим особенностям следует отнести неизменно доминирующие представления респондентов о тотально-инструментальной функции взяточничества (когнитивный компонент), о ситуативной стратегии дачи взятки и стремлении к материальному обогащению при ее получении (конативный компонент), о модальности эмоциональных переживаний к феномену взяточничества.

Вместе с тем, имеет место специфика содержания каждого из компонентов отношения, его осознанности и сформированности. По мере взросления респондентов расширяется содержание когнитивного компонента отношения за счет ресурсной функции взяточничества, которой студенты и работающие респонденты, по сравнению со школьниками, «дополняют» его функциональный потенциал (таблица 3).

Таблица 3

Содержание когнитивного компонента отношения к взяточничеству у респондентов

Отношение	Функции взяточничества		
	Школьники	Студенты	Работающие
Противоправное средство	Тотально-инструментальная	Нет	Нет
Инструментальная ценность	Нет	Тотально-инструментальная Ресурсная	Тотально-инструментальная Ресурсная

Примечание (обозначения таблицы): «Нет» – отношение не установлено (составлено/разработано автором)

Имеет место своеобразие содержания конативного компонента отношения к взяточничеству за счет трактовок факторов дачи и получения взятки. Школьники считают, что дача взятки преимущественно осуществляется в ситуации избегания ответственности за

противоправные действия, а ее принятие обосновано личностными чертами взяточполучателя, избавляющего от ответственности за противоправные действия. Студенты отмечают, что дача взятки обусловлена ситуативной стратегией взяткодателя, а ее принятие – стремлением к материальному обогащению взяточполучателя. Работающие респонденты видят причины дачи взятки в ситуативной стратегии и вынужденности (социальное давление) человека, а ее принятие – в вынужденности, в личностных чертах и стремлении взяточполучателя к демонстрации власти (таблица 4). Только работающие респонденты отмечают для актуализации взяточничества роль социального давления на обоих его участников (вынужденность). Аналогичные данные приводятся в исследовании, когда население рассматривает принуждение со стороны начальства или близких людей в качестве смягчающих обстоятельств коррупционного поведения [8].

Таблица 4

Содержание конативного компонента отношения к взяточничеству у респондентов

Тип отношения	Респонденты	Факторы дачи взятки	Факторы получения взятки
1	Школьники	Противоправные действия Стратегия	Личностные черты Материальное обогащение Противоправные действия
2	Студенты	Стратегия	Материальное обогащение
	Работающие	Стратегия Вынужденность	Личностные черты Материальное обогащение Вынужденность Власть

Примечания (обозначения таблицы): 1 – отношение к взяточничеству как противоправному деянию; 2 – отношение к взяточничеству как инструментальной ценности (составлено/разработано автором)

Специфично содержание эмоционально-оценочного компонента отношения. Школьники ограничиваются констатацией неосведомленности или полярными оценками последствий взяточничества для субъектов разного масштаба; студенты концентрируются на последствиях взяточничества для социальных групп и личности человека; работающие – на последствиях для государства и личности человека. Очевиден вывод о низкой информированности школьников о последствиях взяточничества, что, в свою очередь, свидетельствует о низкой эффективности антикоррупционных мероприятий в школе, если, конечно, они действительно имеют место.

В адрес взяточничества у школьников доминируют по выраженности как положительные (интерес, удивление), так и отрицательные (презрение) эмоциональные переживания, в то время как у студентов и у работающих респондентов – положительные (интерес) эмоции. Студенты, в отличие от школьников и работающих респондентов, допускают антикоррупционное воспитание как превенцию взяточничества (таблица 5).

В соответствии с установленными нами эмпирическими критериями отношение к взяточничеству как противоправному средству у школьников является умеренно осознанным, отношение к взяточничеству как инструментальной ценности как у студентов, так и у работающих респондентов – осознанным.

Результаты исследования отношения к взяточничеству как противоправному средству у школьников или как инструментальной ценности у студентов и у работающих респондентов (таблица 6) свидетельствуют о структурированности отношений, наличии координационных и субординационных связей, отражающих меру и знак влияния содержания конативного и эмоционально-оценочного компонентов на выраженность отношения в целом.

Таблица 5

Содержание эмоционально-оценочного
компонента отношения к взяточничеству у респондентов

Тип отношения	Респонденты	Последствия взяточничества			Эмоции	Превентивные меры
		государство	социальная группа	личность		
1	Школьники	Негативные Не знаю	Негативные Позитивные Не знаю	Негативные Позитивные Не знаю	Интерес Удивление Презрение	Контроль Уголовное наказание Не знаю
2	студенты	Вариативность	Деструкция социальных отношений Снижение профессионализма	Негативные черты личности Позитивные результаты	Интерес	Контроль Уголовное наказание Антикоррупционное воспитание
	работающие	Экономика	Вариативность	Негативные черты личности Позитивные результаты	Интерес	Контроль Уголовное наказание

Примечания (обозначения таблицы): 1 – отношение к взяточничеству как противоправному средству; 2 – отношение к взяточничеству как инструментальной ценности (составлено/разработано автором)

Таблица 6

Структура типов отношения к взяточничеству у респондентов

Респонденты	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент
Отношение к взяточничеству как противоправному средству		
Школьники $R = 0,614; p < 0,028$	Личностные черты ВП (Beta = +0,446; $p < 0,031$) Стратегия ВД (Beta = -0,370; $p < 0,049$)	Отвращение (Beta = +0,375; $p < 0,032$) Уголовное наказание (Beta = -0,314; $p < 0,05$) Контроль (Beta = -0,468; $p < 0,014$)
Отношение к взяточничеству как инструментальной ценности		
Студенты ($R = 0,578; p < 0,0095$)	Ситуативная стратегия ВД (Beta = +0,452; $p < 0,007$)	Отвращение (Beta = +0,437; $p < 0,015$) Последствия для социальных отношений в группах (Beta = +0,266; $p < 0,05$) Последствия для личности человека (негативные личностные черты) (Beta = -0,676; $p < 0,0015$)
Работающие ($R = 0,723; p < 0,0006$)	Личностные черты ВП (Beta = +0,340; $p < 0,0274$)	Отвращение (Beta = +0,443; $p < 0,007$) Интерес (Beta = -0,606; $p < 0,05$)

Примечания (обозначения таблицы): **R** – коэффициент множественной линейной регрессии; **Beta** – стандартизованный коэффициент регрессии; **ВД** – взяткодатель; **ВП** – взятополучатель (составлено и разработано автором)

С учетом выраженности осознанности и структурированности отношение к взяточничеству как противоправному средству у школьников является умеренно осознанным и

структурированным, т. е. умеренно сформированным. Отношение к взяточничеству как инструментальной ценности у студентов и у работающих респондентов является осознанным, структурированным, т. е. сформированным.

Характер установленных связей (наличие максимальных положительных значений между выраженностью трактовки взяточничества и выраженностью содержания конативного или эмоционально-оценочного компонентов отношения) позволяет прогнозировать возможность укрепления, поддержки, усиления того или иного типа отношения посредством усиления (полноты представления, осведомленности, информирования) разных по содержанию составляющих его компонентов.

У школьников их отношение к взяточничеству как противоправному средству может усилиться под влиянием, прежде всего, актуализации представлений о негативных личностных чертах взяточполучателя. У студентов их отношение к взяточничеству как инструментальной ценности может усилиться под влиянием, в первую очередь, актуализации представлений о ситуативных стратегиях дачи взятки, направленных на организацию времени и экономию личностных ресурсов. У работающих субъектов их отношение к взяточничеству как инструментальной ценности может усилиться под влиянием, прежде всего, роста неприязни (отвращения) к этому явлению. Иными словами, отношение к взяточничеству у школьников может усиливаться под влиянием негативной персонализации взяточполучателя, у студентов – желания избежать траты времени и сил для достижения цели; у работающих молодых людей – выраженной неприязнью к этому явлению.

При организации антикоррупционных мероприятий следует учитывать тип и степень сформированности отношения, поддержку его теми или иными знаниями, представлениями, переживаниями субъектов отношения. Необходимо также принимать во внимание социальную желательность типа отношения, сформировавшегося у молодых людей на конкретном этапе получения образования. Недостаточно осознанное и недостаточно сформированное у школьников отношение к взяточничеству как противоправному средству предоставляет большие возможности для достижения эффективности антикоррупционного воспитания, по сравнению с полностью осознанным и сформированным отношением к взяточничеству у студентов и у работающих молодых людей. Полагаем также, что именно в старших классах школы должна осуществляться организация или активизация антикоррупционных мероприятий, чтобы не оправдывать опасений педагогов о превращении антикоррупционного воспитания в практику информирования школьников об инструментальном потенциале взяточничества.

Выводы

Установлена различная сформированность отношения к взяточничеству у школьников, студентов и работающих молодых людей. Зафиксирована динамика отношения, заключающаяся в росте его осознанности и сформированности: от умеренно сформированного (умеренно осознанного, структурированного) отношения к взяточничеству как противоправному средству удовлетворения различных потребностей человека у школьников до сформированного (осознанного, структурированного) отношения к взяточничеству как инструментальной ценности у студентов и у работающих молодых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванновская О.В. Проблема коррупции в психологической феноменологии [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Сер. 12. – Вып.3. Ч.II. – С. 54–62.
2. Васякин Б.С., Дебердеева Н.А., Пожарская Е.Л. Некоторые психологические аспекты противодействия коррупции [Текст] // Успехи современной науки и образования. – 2016. – №3. Т.2. – С. 61–63.
3. Robert W. McGee, Serkan Benk, and Bahadır Yüzbaşı. Religion and Ethical Attitudes toward Accepting a Bribe: A Comparative Study [Текст] // Religions. – 2016. – No.6 [4]. – PP. 1165.
4. Teresa Hernandez, Robert W. McGee. Attitudes toward bribery in Australia: a demographic study [Текст] // Euro Asia Journal of Management. – 2014. – No. 24. – PP. 57–91.
5. M. Najeeb Shafiq. Aspects of Moral Change in India, 1990–2006: Evidence from Public Attitudes toward Tax Evasion and Bribery [Текст] // World Development. – 2015. – Vol. 68. – PP. 136–148.
6. Geoff Harris, Alexander Dawid van der Merwe. The scope for mobilising public opinion against corruption: the attitudes of kwazulu-natal university students [Текст] // SAJEMS NS. – 2012. – 15 no 3. – PP. 282–293.
7. Jorge Gámez Gutiérrez, José Manuel Saiz-Álvarez, & Gil Ángel, G. A cognitive, emotional and behavioral assessment of Colombian entrepreneurs' attitudes toward corruption [Текст] // Universidad & Empresa. – 2016 – No.19[33]. – PP. 9–51.
8. Социально-психологические исследования коррупции [Текст] / Коллектив авторов / Отв. редакторы: А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. – М.: «Когито-Центр», 2017. – 200 с.
9. Serkan Benk, Bahadır Yüzbas, and Robert W. McGee. Confidence in Government and Attitudes toward Bribery: A Country-Cluster Analysis of Demographic and Religiosity Perspectives [Электронный ресурс] // Religions. – 2017. – No.8[1]. <https://doi.org/10.3390/rel8010008> (дата обращения 17.06.2017).
10. Ronald Fischer, Maria Cristina Ferreira, Taciano Milfont, and Ronaldo Pilati. Culture of Corruption? The Effects of Priming Corruption Images in a High Corruption Context [Текст] // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2014. – Vol. 45[10]. – PP. 1594–1605.
11. Китова Д.А. Психологические отношения современной молодежи к коррупции [Текст] // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». – 2017. – № 2. – С. 37–42.
12. Романова К.С. Социокультурные и социопсихологические аспекты коррупции [Текст] // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2017. – №2–2. – С. 36–40.
13. Лиферов А.П. Российский коррупционер: некоторые психолого-правовые штрихи к портрету [Текст] // Психолого-педагогический поиск. – 2016. – № 1 [37]. – С. 11–28.
14. Monica Prasad, Mariana Borges Martins da Silva, Andre Nickow. Approaches to Corruption: a Synthesis of the Scholarship [Электронный ресурс] // Studies in

- Comparative International Development <https://doi.org/10.1007/s12116-018-9275-0/>
(дата обращения 25.06.2017).
15. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Панина Е.А. Типы отношения к взяточничеству у школьников и учащихся колледжей [Текст] // Психолог. – 2017. – № 4. – С. 65–81.
 16. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Типы ценностно-смыслового отношения к взяточничеству у учащихся вузов и работающих молодых людей [Текст] // Педагогика и просвещение. – 2018. – № 3. – С. 1–11.
 17. R. Gatti, S. Paternostro, J. Rigolini. Individual Attitudes Toward Corruption: Do Social Effects Matter? [Текст] // World Bank Policy Research Working Paper. – 2003. – No.3122. – 24 p.
 18. Николаев С.М. Понятие и сущность антикоррупционного воспитания [Текст] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – №7 [13]: В 3-х ч. Ч.II. – С. 159–162.
 19. Mushfiq Swaleheen Economic growth with endogenous corruption: an empirical study [Текст] // Public Choice. – 2011. – No.146. – PP. 23–41.
 20. Tay L., Herian M., and Diener E. Detrimental effects of corruption on subjective well-being: Whether, how, and when [Текст] // Social Psychological and Personality Science. – 2014. – No. 5[7]. – PP. 751–759.
 21. Кейзерова Ю.В. Стереотипы восприятия коррупции глазами студентов – будущих юристов [Текст] // Ученые записки российского государственного социального университета. – 2017. – Том 16. – №2 [141]. – С. 64–74.
 22. Xuyun Tan, Li Liu, Zhenwei Huang, Wenwen Zheng and Yuan Liang. The Effects of General System Justification on Corruption Perception and Intent [Текст] // Frontiers in Psychology. – 2016. – V.7. – A.1107. – 11 p.
 23. Голубовский, В.Ю., Синюкова, Т.Н. Формы и виды проявления коррупции в современном российском обществе [Текст] // Политическая лингвистика. – 2015. – №2 [52]. – С. 240–245.
 24. Репецкая А.Л. Современная характеристика и тенденции российской коррупционной преступности и основные направления борьбы с ней [Текст] // Известия ИГЭА. – 2011. – №3 [77]. – С. 126–130.
 25. Shirin S.S. Corruption in higher education in Russia-first decade of the 21st century [Текст] // International Education Studies. – 2015. – V.8. №2. – PP. 160–168.
 26. Rotondi V., Stanca L. The effect of particularism on corruption: theory and empirical evidence [Текст] // Journal of Economic Psychology. – 2015. – V. 51. – PP. 219–235.
 27. Фоменко И.В. Формирование антикоррупционной культуры в преподавательской среде [Текст] // Государственная политика противодействия коррупции в молодежной среде: тенденции и перспективы: Материалы краевой научно-практической конференции [24 ноября 2015 года]. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2015. – С. 143–148.
 28. Ninik Indawati. The Development of Anti-Corruption Education Course for Primary School Teacher Education Students [Текст] // Journal of Education and Practice. – 2015. – V.6. no.35. – PP. 48–54.

29. Nurulpaik I., Triatna C. Developing the capacity of anti-corruption management in a school [Текст] // International Journal of Applied Business and Economic Research. – 2016. – 14[14]. – PP. 391–401.
30. Komalasari K., Saripudin D. Integration of anti-corruption education in school's activities [Текст] // American Journal of Applied Sciences. – 2015. – 12[6]. – PP. 445–451.
31. Пфетцер С.А., Зеленин А.А., Яницкий М.С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции [Текст]. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2014. – 143 с.
32. Фан И.Б. Политико-психологические аспекты воспроизводства коррупции [Текст] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. – Т.14. – Вып. 4. – С. 91–104.
33. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. М.: Изд-во "Ин-т практической психологии" [Текст]. – Воронеж: НПО "МОДЭК", 1995. – 356 с.
34. Джанерьян С.Т. Структура типов профессиональных Я-концепций [Текст] // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 78–92.

Dzhaneryan Svetlana Tigranovna
Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: swetdjan@sfnedu.ru

Gvozdeva Darya Ivanovna
Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: gvozdeva@sfnedu.ru

The formation and dynamics of attitude to bribery as a form of grassroots corruption among urban studying and working youth

Abstract. The article presents the results of a study aimed at establishing formation and dynamics of value-semantic attitude to bribery as a form of grassroots corruption among schoolchildren (126 respondents), university students (120 respondents) and working young people (102 respondents). Research methods: cross-sections, survey (questionnaire to assess the content of each of the components of the attitude to bribery), content analysis of open questions of the questionnaire; testing; statistical methods. This attitude is considered as a kind of value-semantic purposeful attitude where bribery is presented in the mind of a subject as occupying the place of means (goals, values) in the process of realizing certain needs and values. Substantially similar types of attitudes to bribery among schoolchildren, students and working young people are analyzed. The content of cognitive, conative, emotional-evaluative components of each type of attitude to bribery is revealed. On the basis of the concept of V.N. Myasishev criteria of formation of attitude to bribery, including a different degree of its awareness and structuring, is proposed. It is proved that schoolchildren are characterized by middle-level formation of attitudes to bribery as an illegal means of satisfying needs; students and working people are characterized by middle-level formation of attitudes to bribery as instrumental value. The dynamics of the attitude to bribery, which specifies in the growth of its awareness and formation, is revealed: from a middle-level formation of attitude to bribery as an illegal means of satisfying various needs, typical for schoolchildren, to a formed attitude to bribery as an instrumental value, typical for students and working youth.

Keywords: value-semantic attitude to bribery; grassroots corruption; formation of attitude; dynamics of attitude; schoolchildren; university students; working young people